

УДК 316.1

Уваров Игорь Алексеевич

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии,
Ставропольский филиал Краснодарского
университета МВД России
uvarov.igor@mail.ru

Igor A. Uvarov

candidate of law, associate Professor,
associate Professor of criminal law and criminology
Stavropol branch
Krasnodar University of the Ministry of internal Affairs of Russia
uvarov.igor@mail.ru

**«Положенец» и его место в системе структурообразующих признаков
пенитенциарного сообщества**

**«Polosenets» and its place in the system of structural features of the
penitentiary community**

***Аннотация.** В статье проводится социологический анализ такой категории лидеров пенитенциарного сообщества, как «положенец». Усиление законодательной базы, направленной на борьбу с организованной преступностью, привело к несогласованности правоприменительной практики и теоретических исследований. Как следствие, обострение противостояния между представителями либерального и консервативного направления в пенитенциарной науке. Автор предпринимает попытку проанализировать неформальную категорию лидеров преступной среды, так называемых, «положенцев» и их место в системе структурообразующих признаков пенитенциарного сообщества.*

***Ключевые слова:** пенитенциарное сообщество, лидеры пенитенциарного сообщества, «положенец» в структуре пенитенциарного сообщества.*

***Annotation.** The article provides a sociological analysis of such a category of leaders of the penitentiary community as «polosenets». The strengthening of the legislative framework aimed at combating organized crime has led to inconsistency in law enforcement practice and theoretical research. As a result, there is an aggravation of the confrontation between representatives of the liberal and conservative trends in penitentiary science. The author makes an attempt to analyze the informal category of leaders of the criminal environment, the so-called «polosenets» and their place in the system of structural features of the penitentiary community.*

***Keywords:** penitentiary community, leaders of the penitentiary community, «polosenets» in the structure of the penitentiary community.*

Принято считать, что наше общество находится в глубоком кризисе. Он касается практически всех сфер социальных отношений. В качестве одного из факторов, определяющих кризис, принято называть преступность, которая, по утверждению многих исследователей, в последние годы стала более организованной. Следствием этого является деятельность государства по усилению ответственности за деяния, которые могут рассматриваться как обязательные элементы организованной преступности. В частности, было криминализовано «занятие высшего положения в преступной иерархии» [1]. Неточность такого рода формулировки, привела к большому количеству коллизий, как в следственной, так и судебной практике. На страницах периодических научных изданий разгорелась дискуссия по поводу необходимости такого рода новеллы.

Одна часть авторов склонная положительно оценивать такого рода законодательную инициативу, рассматривая это как позитивный фактор, позволяющий более эффективно бороться с такого рода криминальными проявлениями [2, с. 170-173]. Другие, напротив, склонны видеть в этом нелогичное законодательное решение, имеющее только негативные последствия для борьбы с преступностью [3, с. 159-161; 4, с. 45-51]. В этой связи, мы считаем необходимым отметить, что основная масса авторов акцентирует внимание исключительно на юридической стороне вопроса. Лишь в отдельных публикациях, встречаются попытки рассматривать эту проблему с криминологической точки зрения. Однако и такой подход не имеет положительного эффекта в силу того, что исключает социальную сущность рассматриваемой проблемы.

Большинство авторов сходятся во мнении, что к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, относятся три категории: «воры в законе», «положенцы», «смотрящие». Причем, если, с так называемыми, «ворами в законе» все считается очевидным, то в отношении двух других категорий лидеров преступной среды возникает масса вопросов. В частности, краеугольным камнем стало понятие (наличие статуса) «положенец». Следственные органы предпринимают попытки инкриминировать лицам, относящимся к такой категории, вышеупомянутую норму, предусматривающую ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии. Однако, несмотря на то, что все эти категории лидеров «пришли» из мест лишения свободы, успехов в отношении этих лиц, правоохранительные органы могут иметь только в условиях свободы, а не в исправительных учреждениях.

Обращает на себя внимание тот факт, что наличие «положенцев» в местах лишения свободы, никто не отрицает. Однако мы не встречаем фактов привлечения их к уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии. По меньшей мере, данный факт должен вызывать массу вопросов у правоприменителей, и исследователей, но анализ специальной литературы по этому вопросу показывает, что никто не видит

такого рода противоречия. На наш взгляд, это обусловлено, как минимум, двумя обстоятельствами:

Во-первых, отсутствием необходимых знаний о пенитенциарном и криминальном сообществе. Здесь, как минимум, две объективные причины:

– быстро меняющаяся система неформальных норм в среде лиц, имеющих отношения к какой-либо противоправной деятельности. Это обусловлено тем, что существующие в этой среде «правила», носят явочный характер, что позволяет быстро трансформировать их в соответствии с изменяющейся обстановкой;

– у исследователей и правоприменителей нет реальной возможности в сборе эмпирического материала. К большому сожалению, даже сейчас в литературе постулируются концептуальные положения, характеризующие пенитенциарное и криминальное сообщество по критериям 60-70-х годов прошлого века [5; 6, с. 36-39]. Исходя из этого, любые попытки системного анализа имеющейся первичной информации сталкиваются с непригодной для ее оценки методологической базой. Как следствие, выводы, носят неадекватный полученным результатам характер [7; 8].

Во-вторых, это – суть социальной роли, так называемых, «положенцев», как в местах лишения свободы, так и за их пределами.

Определить значение категории «положенец» невозможно без рассмотрения другого специфического понятия – «смотрящий». Оба эти понятия используется в системе неформальных отношений лиц, имеющих отношение к противоправной деятельности, в двух смысловых значениях:

Общее – все лица, которые, тем или иным образом, были наделены властными полномочиями в системе неформальной отношений. Именно в этом значении «смотрящий», в зависимости от объема полномочий, может именоваться – «положенцем» (иногда встречаются такого рода определения: «главный смотрящий», «смотрящий за смотрящими» и т.п.). Например, в обиходе лиц, имеющих отношение к противоправной деятельности в нашей стране как равнозначные понятию «положенец» используются – «смотрящий за тюрьмой», «смотрящий за централом» и т.п. Главное отличие «смотрящего» от «положенца» заключается в том, что последний наделен правом взаимодействия с администрацией исправительного учреждения.

Частное – «смотрящий» лицо, отвечающее за определенный объект исправительного учреждения (столовая, ШИЗО, ПКТ и т.п.) или направление деятельности («за игрой», «за общаком» и т.п.). Как правило, «смотрящий» избирается неким сообществом, а «положенец», «утверждает», это решение. Таким образом, «смотрящий» находится ниже в неформальной иерархии, чем «положенец».

Признаки «положенца»:

– должен быть «назначен» «вором в законе» (таких называют – «положенец после вора», т.к. есть еще понятие «положенец до вора»);

– должен рассматриваться в криминальной среде как «достойный» (за период пребывания в местах лишения, не должен допустить поступков, которые могут порицаться в пенитенциарном сообществе);

- должен относиться к возрастной группе старше 40 лет;
- должен иметь «определенные позиции в правоохранительных органах» (это связано с необходимостью «согласования» его кандидатуры с администрацией конкретного исправительного учреждения);

- в литературе существует дискуссия по поводу отношения потенциального «положенца» к службе в армии. Исходя из той трактовки, которую нам предлагают «ученые», он не должен иметь за плечами армейской службы. Однако практика показывает, что на сегодняшний день среди лиц, занимающих такое положение к криминальной иерархии, довольно большое количество ранее служивших в армии. Это дало основание, утверждать, что наличие армейского опыта можно отнести к обязательным признакам «положенцев».

В обязанности «положенца» входит нести персональную ответственность перед пенитенциарным сообществом за:

- «недопущение беспредела в исправительном учреждении, за которое он «отвечает»»;

- «правильное применение «понятий» в системе неформальных отношений в исправительном учреждении»;

- «правильным расходованием средств из «воровского общака»» (его полномочия не могут распространяться на, так называемые, «общие общаки»);

- осуществлять взаимодействие с администрацией исправительного учреждения, в котором он отбывает наказание.

Как видим, с точки зрения социального назначения, институт «положенцев» в местах лишения свободы, решает важную задачу структурирования пенитенциарного сообщества в конкретном исправительном учреждении. Говоря другими словами, осужденный, обладающий такого рода полномочиями, осуществляет в пенитенциарном сообществе основную управленческую функцию. Ее характер, детерминирован его исключительными полномочиями. Парадокс, который создает существенные проблемы в юридической оценке, это подтверждение полномочий данного осужденного. Только два лица могут подтвердить их наличие у, так называемого, «положенца»: «вор в законе», который их делегировал и сотрудник исправительного учреждения, с которым он находится в постоянном контакте, для решения проблем всех осужденных.

Это дает ответ на вопрос: Почему, в отношении этой категории осужденных не возбуждают уголовного преследования за занятие высшего положения в преступной иерархии? Система отношений в исправительных учреждениях выстроена таким образом, что «положенец» выступает от имени пенитенциарного сообщества как субъект, наделенный полномочиями принимать управленческие решения в сфере взаимоотношений с администрацией колонии.

Таким образом, мы вынуждены констатировать, что «положенец» является важным структурообразующим элементом не только пенитенциарного сообщества, но и всей вертикали управления в

исправительном учреждении. Это не говорит о том, что он осуществляет некие властные полномочия в исправительном учреждении. Он выполняет роль связующего звена между осужденными и администрацией. С точки зрения неформальных отношений, существующих в местах лишения свободы, «положенец», призван минимизировать контакты осуждённых с администрацией.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Федеральный закон от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федотова А.В. Социальная обусловленность уголовной ответственности за занятие лицом высшего положения в преступной иерархии // Дальневосточные юридические научные чтения. Сборник статей научно-практической конференции, посвященной 80-летию юридического факультета / Под науч. реда. М. Г. Никитенко. – Хабаровск: ХГУЭП, 2019. С. 170-173.

3. Иванчин А.В. Занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) – пример необоснованной криминализации // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения). Сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции / Под общ. ред. Н.А. Лопашенко. – Саратов, 2019. С. 159-161.

4. Борисова А.Ю. Наказание за статус: к вопросу о целесообразности криминализации деяния и перспективах практического применения // Обеспечение прав человека в деятельности правоохранительных органов. Сборник научных трудов. Тверь, 2020. С. 45-51.

5. Курбатова Г.В., Кутякин С.А. «Воры в законе»: на рубеже веков. Лекция. – Рязань: Изд-во Акад. права и управления Минюста России, 2003. – 52 с.

6. Шалагин А.Е. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2016. – № 4(26). С. 36-39.

7. Тулегенов В.В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2003. – 31 с.

8. Анфиногенов В.А. Субкультура осужденных и её влияние на их поведение в условиях изоляции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов СГЮА, 2016. – 22 с.

LITERATURE:

1. Federal law of November 3, 2009 No. 245-FZ "On amendments to the criminal code of the Russian Federation and article 100 of the Criminal procedure code of the Russian Federation" // SPS "Konsultantplyus".

2. Fedotov A.V. Social conditioning criminal liability for engaging the face of the highest situation in criminal hierarchy // far Eastern legal research reading. Collection of articles of the scientific and practical conference dedicated to the 80th anniversary of the Faculty of Law / Under the scientific ed. of M. G. Nikitenko. - Khabarovsk: KHGUPEP, 2019. pp. 170-173.

3. Ivanchin A.V. Occupation of the highest position in the criminal hierarchy (Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) - an example of unjustified criminalization / / Criminal-legal impact and its role in crime prevention (IV Saratov criminal-legal readings). Collection of articles based on the materials of the IV All-Russian scientific and practical conference / Under the general ed. of N. A. Lopashenko. - Saratov, 2019. pp. 159-161.

4. Borisova A. Yu. Punishment for status: on the question of the expediency of criminalizing an act and the prospects for practical application / / Ensuring human rights in the activities of law enforcement agencies. Collection of scientific papers. Tver, 2020. pp. 45-51.

5. Kurbatova G. V., Kutyakin S. A. "Thieves in law": at the turn of the century. Lecture. - Ryazan: Publishing House of Akad. Rights and Management of the Ministry of Justice of Russia, 2003. - 52 p.

6. Shalagin A. E. Criminological characteristics of a person occupying the highest position in the criminal hierarchy // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2016. – № 4(26). Pp. 36-39.

7. Tulegenov V. V. Criminal subculture and its criminological significance: abstract of the dissertation ... cand. jurid. sciences'. - Rostov-on-Don: RUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003. - 31 p.

8. Anfinogenov V. A. The subculture of convicts and its influence on their behavior in isolation: abstract of the dissertation of the candidate. jurid. sciences'. - Saratov SSVUA, 2016. - 22 p.